

«Я всю жизнь носил и буду носить ее на руках!»

У любимой жены Николая Серикова отнялись ноги. Больше тридцати лет назад...

Николая Серикова в Дубинке не понимают. Чтоб нестарый еще, работающий и, главное, непьющий мужик целую жизнь увивался вокруг одной Тамары-инвалидки?! Сперва его, конечно, хвалили: вот человек, жалеет больную! Потом советовали найти «замену». Теперь только провожают взглядами: «Опять Мыкола свою гулять потащил...»

Кресло на колесах появилось у Сериковых сравнительно недавно. А до того Николай Васильевич каждый день носил супругу на руках.

Они познакомились летом шестьдесят шестого.

Тамара Степановна:

Я стояла возле калитки во дворе, рядом с сестрой: уже плохо себя чувствовала. Смотрю, возвращается из центра села солдатик, невысокий такой, крепкий, как будто катится. С сестрой поздоровался. Повернулся из дома идти, когда он: «Девушка, подождите! Я на вас женюсь!».

Николай Васильевич:

Немножко не так рассказываешь. «Девушка, подождите!» Остановилась, улыбается. Красивая. Юбка плиссированная, серая и шитая кофточка в тон, очень все культурно. «А, - говорю, - плиссе-гофре!» - «Вы откуда знаете?» - «Дамский мастер потому что». Еще пошутковали. И голос мне понравился, приятный. Вот тогда только сказал: «Я на вас женюсь!»

Тамара Степановна:

Встречались целый год. Он мне письма из леса писал: воинская часть рядом, но в увольнения не часто отпускали.

Николай Васильевич:

Так я в самоволки бегал, иногда даже с дежурства, с карабином!

Тамара Степановна:

Ой, Коля, Боже мой, не надо...

Николай Васильевич:

Ничего, не бойся. Тридцать лет прошло все-таки. Карабин прятал под старым каштаном. Конечно, если бы кто застукал, засудили бы без разговоров.

Тамара Приходько, перед войной рожденная, попала с оккупированной Украины в

Сталинград. Возвратилась не ребенком - тенью: дистрофия, думали, умрет. Но выжила. И снова заболела. Недуг оказался редкостным, медицине не подвластным. Стали отказывать, как бы сушить, ноги...

Она еще успела закончить сельхозтехникум в Молдавии. Курсом старше училась будущая певица Мария Биешу. И Тамара тогда, все говорили, пела получше знаменитости. Да не спелось...

Бабы-шептухи, к которым ее возили, даже денег брать не стали: безнадежный, мол, случай, «мертвую воду» перешла. (Есть такое страшное поверье - нельзя ступать по выплеснутой воде, которой обмывали покойника.) Только кто в войну мог со смертью разминуться?

Тамарин отец дочкиного кавалера пытался отвадить. Рассказал ему всю правду, что скоро вместо жены, если серьезно надумал, а не придуривается, получит калеку. Но солдат, тамбовский парень, оказался упрямым. «Сказано: люблю и женюсь». Ну и оставили их в покое. Молодые «отделились», выстроили хату-временку и начали жить-поживать.

Николай Васильевич устроился работать составителем поездов на железной дороге. Тяжелый кусок хлеба, но верный: в доме не переводились деньги и почетные грамоты. Жена занималась хозяйством. К столу дотянется - картошку почистит, до венка достанет - пол подметет.

Вы скажете, что такого счастья не бывает? Вот оно: Тамара и Николай!

Тамара Степановна:

А вечером - молодые же, гулять хочется! - соберемся в гости к брату или на концерт в клуб. Расфрантимся, Коля меня подхватит в охапку - и вперед! Правда, я тогда, как соломина, была худая... На курорты в отпуск ездили - в Сочи, в Одессу, в Закарпатье, в Эстонию. Коле как железнодорожнику бесплатный проезд полагался. Я видела, как на нас женщины смотрят. С завистью, что ли...

Однажды попали в санато-

пускать не хотел. После концерта на улице ожидала целая толпа мужиков: «Тамара, давайте мы вас понесем, как царицу!» Коля даже рассердился, приревновал: «Нечего заигрывать. Муж у нее есть».

Николай Васильевич:

Мать Тамарина покойная, помню, сердилась: «Куда ты его наряжаешь? Чтоб быстрее увели?» Я на работу лучшего начальника шел, честно: брюки со «стрелочкой», светлая сорочка.

Все почернело после страшного дня, когда отвез Николай Сериков жену в больницу: внематочная беременность. Еще кто-то из врачей хмыкнул: ты подумай, еще и ребенка собирались завести...

Вот так ее разрезали, по животу, - показал на себе и сморщился от боли. - А я заплакал. Причем дома горилка стоит - не гляну, потому что за Тамарой ухаживать надо. А только за порог, к друзьям, утешать начинают - и готов, набрался.

Тамара Степановна:

У меня еще и диабет, а Коля придет невменяемый, воды подать некому. Но не шумел. Возьмет коту, положит рядом с собой на кровать, обнимет и жалуется ему, пока не заснет. А я рядом плачу...

После операции и стресса у Тамары Степановны болезнь стала отбирать и руки, подвижными остались только пальцы. Вся домашняя колготня - стирка, уборка, готовка, четыре курицы в курятнике - досталась Николаю Васильевичу.

Тамара Степановна:

Утром проснемся, Коля меня умоет, причешет, оденет, покормит - и на работу. А с работы - на огород, картошки посадил десять соток. Как-то возвращается совсем убитый: вырыли нашу картошку...

К той поре Николай Ва-

сильевич уже перевелся на «легкий труд», в стропальщики. Однажды крепил плиты, одна сорвалась, едва успел наклониться, иначе бы голову разможило, а так только ногу. Восемь месяцев в гипсе.

Николай Васильевич:

Лежим оба в хате и думаем: зайдет кто сегодня проверить, живые мы еще, или нет?

Очень помогли местные баптисты-евангелисты, потому и прикипели к ним Сериковы душой. Приезжал в гости даже миссионер из Германии Октавиан Германович. Очень удивлялся, что дойчмарок не просят, а, наоборот, сами подарки в сумку ему укладывают - белые грибы домашней консервации и варенье.

Тамара Степановна:

Хороший он человек, добрый, но немецких денег мне не надо. Война с немцами мое детство и здоровье забрала. Вот пусть наши пенсию заплатят - и ладно.

Николай Васильевич:

Из собеса зашел начальник проведать, огляделся и говорит: «Ну, так вы еще прекрасно живете!»

Действительно, прекрасно. В хате у Сериковых теплынь, полы сияют свежей краской, всюду вышитые рушники, подзоры, салфетки. Пальцы у Тамары Степановны чуткие, Николай Васильевич только ей пальцы в руки вкладывает и нитки покупает. Недавно знакомые хотели им бизнес устроить: сторговали городскому эстету скатерть за 300 гривен. Но Сериковы отказались.

На скатерти вышито: «На счастье, на добро, на любовь». Как же они без любви останутся?

Ольга МУСАФИРОВА.
(Наш соб. корр.)

село Дубинка,
Черкасская область.

Фото автора.

12
19 мая 98
Космическая чума